

Колокольникова М. Ю.

**ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**

Учебно-методическое пособие

Саратов 2012

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важнейшим условием достижения успеха в научной работе является выбор методики, которая соответствовала бы задачам и объекту исследования. Основная цель настоящего пособия – познакомить студентов-филологов с основными аспектами теории и практики дискурсивного анализа, который в настоящее время является одним из наиболее востребованных методов исследования языковых явлений и процессов со спецификой его применения и стоящими перед ним задачами. Особое внимание уделяется применению дискурсивного анализа в области лексикологии и в первую очередь при изучении лексических единиц высокого уровня абстракции, которым в большей степени, чем словам других классов присуща дискурсивно-коммуникативная вариативность.

Пособие предназначено для студентов 2-4 курсов филологических факультетов и институтов университетов и может быть использовано на занятиях по спецсеминару, при самостоятельной работе над избранной темой, в ходе написания курсовых и дипломов.

Раздел I.

Место дискурсивного анализа среди других методов лингвистических исследований

Дискурсивный анализ (анализ дискурса, дискурс-анализ) – это относительно молодая научная дисциплина. Некоторые идеи, приведшие в итоге к становлению дискурсивного анализа, были сформулированы еще в XIX в. – первой половине XX в. (В. фон Гумбольдт, А. А. Потебня, В. Матезиус, Ш. Балли и др.). Как самостоятельное направление дискурсивный анализ появился во второй половине XX в. (И.А. Фигуровский, З. Харрис, К. Пайк, П. Хартманн, В. Дресслер, Т. ван Дейк, Т. Гивон, У. Чейф, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова и др.).

Широкое распространение дискурсивного анализа во многом связано с характерным для современного языкознания признанием самостоятельной ценности текстового (речевого) материала, с признанием текстов, т.е. узуса, подлинной реальностью науки о языке, единственным доступным непосредственному наблюдению объектом. Подход, ориентированный на узус, или «теория узуса» (В.А. Плунгян), обычно противопоставляется «системному» подходу, ориентированному на изучение некоторой идеальной структуры языка. «Теория узуса» ставит в центр исследования и теоретического анализа дискурсивную практику, т.е. речь.

Дискурсивный подход – это по определению лингвистика «внешняя», поскольку анализ «речи, погруженной в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), требует учета гетерогенных экстралингвистических факторов. Дискурсивный анализ направлен на изучение взаимодействия между языковыми/речевыми средствами и определенными типами социально-коммуникативных практик (дискурсов). Коммуникативно-дискурсивный аспект представляет собой исследование общения с учетом всех характеристик культурно-исторического и социально-ситуативного планов. Поэтому при дискурсивном анализе на переднем плане оказываются не только собственно языковые

данные, но и различные экстралингвистические факторы (социокультурные, психологические, исторические, этнические и т.п.), которые оказывают самое непосредственное влияние на процесс коммуникации.

Дискурсивный анализ – это не просто отдельный метод, а, скорее, методология, совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса и функционирующих в нем языковых единиц. В ходе дискурсивного анализа может использоваться весь арсенал средств из таких областей, как семиотика, теория речевых актов, интеракционизм и т.д.

Произвольный отбор методик часто рассматривается как один из наиболее очевидных недостатков дискурсивного анализа в том виде, в котором он представлен в большинстве современных работ. Н. Б. Вахтин и Е. В. Головки отмечают, что «существует столько вариантов дискурсивного анализа, сколько авторов заявляют о его использовании в своих исследованиях» [Вахтин, Головки, 2004, с. 269]. Подобная множественность подходов объясняется в первую очередь сложностью самого объекта исследования, т.е. дискурса, который в специальной литературе получает самые разнообразные трактовки. Суммируя все эти трактовки, П. Серию, например, выделяет восемь групп определений понятия *дискурс*:

- 1) речь в сосюровском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;
- 2) единица, по размеру превосходящая предложение;
- 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом коммуникативной ситуации (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания);
- 4) беседа как одна из главных форм высказывания;
- 5) речь с позиции говорящего в отличие от повествовательного типа высказывания;
- 6) употребление языковых единиц, их актуализация;
- 7) идеологически или социально ограниченный тип высказывания (феминистский, административный и т.д.);
- 8) теоретический конструкт, необходимый для изучения условий

порождения текста [Серио, 1999, с. 26–27].

Наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой дискурс – это одновременно и динамический процесс, вписанный в контекст, и его результат (т.е. текст). Подобный подход позволяет рассматривать дискурс и как нечто завершенное, полное и связанное, и как нечто протекающее во времени, динамическое, меняющееся. Дискурс одновременно и семиотизация культурно-исторического события, и его речевая деятельность, ее продукт (текст).

Сказанное выше вполне соответствует диалектическому представлению об объектах действительности и в своей основе восходит к гумбольдтовской антиномии языка как деятельности и продукта деятельности, где один и тот же предмет имеет дуалистический характер, представленный в двух областях бытия. Поэтому дискурс может быть представлен не только как совокупность взаимосвязанных текстов, но также и совокупность практик их производства, распределения и рецепции (Parker, 1992; Chalaby, 1996; Phillips, Hardy, 2002; Дымарский, 2001).

Во многих работах отмечается, что дискурс значительно шире и глубже текста, выступающего в качестве его единицы. Однако в большинстве случаев признается, что дискурс представляет собой динамическую, постоянно развивающуюся систему, конструктивными элементами и одновременно продуктами (результатами) функционирования которой являются именно тексты.

При дискурсивном подходе текст рассматривается как отражение надындивидуальной, коллективной, «серийной» речевой практики, а не авторской, индивидуальной, поэтому дискурсивная интенция не может быть выявлена через анализ предполагаемых намерений автора текста. Каждый текст является, прежде всего, частью общественной практики, определяющей массу других возможных текстов – репрезентантов этой или подобной практики. Причем речь идет не о простом суммировании текстов, а о поиске того общего, что объединяет эти тексты в единое дискурсивное пространство.

Это позволяет говорить о том, что целью дискурсивного анализа является выявление среди множества, на первый взгляд, разбросанного и несвязанного материала, однородности и подчиненности общим правилам и принципам. Идея дискурсивной формации лежит в основе понимания дискурса как интегративной совокупности текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и/или объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении.

Собственно дискурсивный анализ начинается с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических и национально-культурных, прагматических и других факторов, образующих в своей совокупности его экстралингвистический фон (контекст). И хотя конкретные исследования заметно отличаются между собой в зависимости от степени внимания, которое уделяется в них тексту и контексту, в любом случае признается, что дискурс нельзя отделить от его широкого социального контекста.

Сама история развития рассматриваемого направления непосредственно связана с переходом от формалистических, структуралистских и трансформационных подходов к контекстуализации дискурса. Однако в 1970-х годах под контекстом главным образом понимался вербальный контекст, включающий в себя слова, предложения, пропозиции, высказывания и коммуникативные ходы. И только в 1980-х годах дискурсивные структуры стали систематически изучаться в их социальном, историческом и культурном контексте [Будаев, 2009, с. 153].

Обращение к широкому социальному контексту во многом сближает дискурсивный анализ с исследованиями в области социальной лингвистики. Ряд авторов считают, что на современном этапе вполне возможным является построение дискурсивной социолингвистики как особой лингвистической дисциплины. Причем специфика данного направления состоит не только в том, что текст изучается в социальном контексте, но и в том, что оба объекта изучаются в равной мере.

Данная точка зрения заслуживает особого внимания, хотя здесь следовало бы говорить скорее о социокультурном контексте и социокультурных условиях порождения текста как составляющего элемента дискурса. Как известно, «социальное» и «культурное» буквально растворены друг в друге, поскольку человек, являясь носителем социальных ролей и культурных ценностей, всегда присутствует в любом социальном явлении. Отсюда и взгляд на культуру как на постоянно эволюционирующий социальный организм.

Дискурсивный анализ в силу своего интегративного характера исходит из признания тесного взаимодействия дискурса как с обществом, так и с его культурой. Формируясь и развиваясь под влиянием определенного социума и его культуры, дискурс и сам в свою очередь оказывает на них существенное влияние, вербализуя актуальные для социума на определенной ступени его развития смыслы и понятия и «вживляя» их в общественное сознание. В одной из своих работ М. Фуко отмечает, что именно совокупность текстов, составлявших в XIX веке дискурс психиатрии, перевела идею бессознательного в ранг реальных объектов. Иными словами, социальная действительность конструируется и становится реальной во многом благодаря дискурсивной практике, а социальные взаимодействия не могут быть полностью поняты без отнесения к дискурсам, в которых формируются их значения.

Из этого, в частности, следует, что дискурс не может быть сведен к стилю. Ведь хотя и стиль, и дискурс могут рассматриваться как «язык в языке», дискурс это еще и социальная, а точнее – социокультурная данность. За каждым типом дискурса стоит свой «возможный мир», по логике которого осмысляются и оцениваются все представленные в нем действия и предметы. В процессе построения каждого из «возможных миров» неизбежно происходит активизация вполне определенных черт языка, и из существующего альтернативного ряда средств, из имеющегося набора

разных возможностей и приемов выбираются или строятся конкретные языковые формы [Кубрякова, 2004, с. 531].

Причем вопрос о том, с какими именно факторами и сведениями следует соотносить полученные языковые данные, является одним из центральных в области дискурсивного анализа. На этой ступени исследования верификация данных во многом переносится в смежные с лингвистикой области – в сферу психологии, социологии, культурологии, этнографии, истории и т.п. Здесь, разумеется, приведена лишь самая общая схема дискурсивного анализа, конкретизация и детализация которой зависит от принятой исследователем модели дискурса.

При построении собственно лингвистической модели дискурса последний понимается, прежде всего, как особое использование языка, соотносящееся с определенным видом социальной активности или, что, пожалуй, точнее, являющаяся частью этой активности. Как и всякая другая деятельность, дискурсивная деятельность характеризуется присущей ей целью, условиями протекания, а также участниками.

Цель (целенаправленность) не принадлежит, разумеется, к числу собственно лингвистических категорий, однако она выступает в качестве своеобразного вектора, указывающего общее направление языкового континуума, и тем самым представляет собой связующее звено между явлениями лингвистического и экстралингвистического плана. Неслучайно, что именно цель общения играет ведущую роль в разграничении отдельных типов дискурса (религиозного, научного, политического, педагогического и т.д.) и, следовательно, является его основополагающей характеристикой.

Вопросы:

1. К какому периоду времени относится становление дискурсивного анализа? Идеи каких исследователей способствовали появлению дискурсивного анализа как уровня раздела лингвистики?
2. Какие тенденции развития современной лингвистики способствуют широкому распространению дискурсивного анализа?

3. В чем находит свое отражение междисциплинарный характер дискурсивного анализа?
4. Чем обусловлено разнообразие подходов к изучению дискурса, а также множественность его концепций? Дайте характеристику некоторым из этих концепций.
5. Каковы взаимоотношения таких понятий, как *дискурс* и *текст*, *дискурс* и *контекст* в теории и практике дискурсивного анализа?
6. Почему дискурс не может быть сведен к стилю?
7. Что подразумевается под контекстуализацией дискурса?
8. В чем проявляется тесная связь дискурса с обществом и его культурой?
9. Что является основанием для сближения дискурсивного анализа с социолингвистикой?
10. Почему дискурсивный анализ считается по преимуществу «внешней лингвистикой»?

Раздел II.

Имена абстрактной семантики как объект дискурсивного анализа

На уровне лексики «особое использование языка» находит свое отражение, прежде всего, в осуществляемом дискурсом целенаправленном отборе имеющихся в его распоряжении альтернативных лексических средств и в частотности их употребления. При этом важно, что дискурс не только тщательно отбирает лексические единицы из общеупотребительного словарного фонда, но и активно приспособливает их к характерным для него целям и условиям общения.

Методика дискурсивного анализа в области лексикологии и семасиологии состоит в установлении концептуальных доминант общественно значимого дискурса, в выделении тех тематических контекстов, в которых реализуются подобные доминанты, в определении ключевых для тематических контекстов лексических единиц, изучение лексико-семантических, тематических, ассоциативных связей лексем внутри данного

типа дискурса. Важной ступенью дискурсивного анализа лексических единиц является сопоставление частотности использования лексем в разных типах дискурса, сопоставление типовых для лексических единиц в разных видах дискурса контекстов исследования.

Особый интерес здесь представляют лексемы высокого уровня абстракции (*честь, свобода, престиж, гордость, красота, гармония*). Данные лексические единицы, обозначающие сущности невидимого, умопостигаемого (интеллигибельного) мира. Свойственная абстрактным лексемам неоднозначность, «текучесть» значения связана с неопределенностью, «размытостью» стоящего за ними фрагмента действительности. Об абстрактных именах говорят как о «нежестких десигнаторах» (С. Крипке), лишенных биологической, химической, атомной или другой материальной сущности. Коррелятом абстрактного имени, в отличие от коррелята имен конкретной семантики, является идеальный, не обладающий онтологической самостоятельностью объект.

К важнейшим признакам рассматриваемого класса слов следует отнести и наличие в их смысловой структуре коннотативных эмоционально-оценочных сем, что обусловлено поляризацией жизненных ситуаций на эмоционально-оценочной шкале. Причем некоторые из подобных имен (*амбиции, успех, престиж, гордость, слава*) в зависимости от конкретного контекста способны приобретать как положительную, так и негативную окраску. Для подобных имен, которые обычно называются «культурно значимыми именами», «именами-антропонимами», «именами-интуициями», характерно преобладание вариативной части значения над инвариантной его частью.

Эта вариативная часть значения, обычно не фиксируемая словарями, является производной не только от индивидуального опыта носителей языка, но от сложившейся в той или иной лингвокультуре системы коммуникативно-речевых практик. Поэтому последовательное и непротиворечивое описание абстрактных имен должно включать в себя и

специфику его функционирования в различных типах дискурса. В настоящее время различные аспекты этой специфики особенно часто затрагиваются в работах лингвоконцептологического направления в связи с вопросом о языковой репрезентации абстрактных концептов, а, следовательно, и имен данных концептов. Н. В. Крючкова, отмечает, например, следующее: «Имя *престиж* обладает сложным и многоаспектным содержанием и большой вариативностью интерпретаций, которые ярко проявляются и в его дискурсивном функционировании» [Крючкова, 2009, с. 247].

Следует принять во внимание и тот факт, что в отличие от конкретной лексики, которая указывает на объект, идентифицирует его, абстрактные имена настраивают на дальнейшее мысленное освоение действительности, ее интерпретацию. К важнейшим характеристикам абстрактного имени можно отнести «сильную валентность» на интерпретацию, на уточнение заложенного в них смысла, что свидетельствует не только об их зависимости от дискурса, но и одновременно указывает на способность рассматриваемого класса лексем к дискурсообразованию.

Будучи по природе предикативными, «событийными» единицами, имена высокого уровня абстракции способны выступать в качестве смысловых центров, организующих лексико-семантическую структуру не только отдельного текста, но и определенной совокупности текстов, входящих в единое дискурсивное пространство. Поэтому имена культурных концептов можно назвать «свернутой моделью дискурса» так как они дают представление о понятийной базе, формирующей семантическое пространство той или иной специфической сферы общения.

Из сказанного следует, что дискурсоориентированные исследования абстрактной лексики играют заметную роль и в раскрытии природы самого дискурса, одним из важнейших измерений которого является лексическое наполнение. Отдельные типы дискурсов, как хорошо известно, характеризуются высокой частотностью употребления в них лексических единиц определенных классов и групп слов.

В целом исследования в области лингвоконцептологии, несомненно, способствуют более глубокому и всестороннему пониманию закономерностей функционирования абстрактных лексем. В этом нет ничего удивительного, поскольку появление лингвокогнитологии нередко объясняется неудовлетворенностью «подходом к семантике, который был принят в господствующем течении лингвистической теории. Н. А. Илюхина отмечает, что именно эволюция теоретической концепции лексического значения от дифференциальной теории к интегральной (иначе – от узкого понимания лексического значения к все более широкому) фактически подвела эту категорию к категории концепта [Илюхина, 2009, с. 35]. При широком подходе к лексическому значению оно обычно описывается как совокупность таких макрокомпонентов, как *понятийный, эмпирический, коннотативный, мотивировочный, селективный*. В свою очередь в составе понятийного макрокомпонента выделяются *идеологический, национально-культурный, прагматический элементы*..

Естественная ограниченность возможностей семасиологии (как и любой теоретической парадигмы), изначально в ней заложенная, фактически оказалась преодолена внутри самой парадигмы в результате ее выхода за собственные границы. Это нашло отражение в признании лингвистической релевантности не только словарных дефиниций слов, но и культурно и прагматически обусловленных компонентов их значений. Произошел выход за рамки системно значимых архисем и дифференциальных сем в сферу потенциальных сем, с признанием их неограниченного числа и большой коммуникативной значимости, а также выход к национально-культурному, идеологическому, прагматическому аспектам значения лексических единиц.

Большую роль в эволюции подходов к изучению значения лексических единиц сыграла теория семантического варьирования, доказавшая коммуникативно-языковую релевантность широкого круга передаваемой словом информации. В то же время представляется необходимым подчеркнуть, что в рамках когнитивного направления сами по себе

модификации семантики лексем в ходе их исторического развития не являются основным предметом анализа. Подобные модификации представляют интерес, прежде всего, с точки зрения их способности отражать определенные изменения в структуре самих концептов.

Кроме того, при исследовании концептов в центре внимания, как правило, оказывается какой-то один из лексико-семантических вариантов многозначного слова, к числу которых относится значительная часть имен абстрактной семантики. Между тем, учет этих вариантов и взаимоотношений между ними на разных этапах развития языка играет важную роль в изучении истории слова, его места в лексико-семантической системе языка в целом.

В этой связи стоит еще раз отметить те трудности, которые возникают при словарном толковании лексем высокого уровня абстракции. Ведь даже самая подробная и совершенная словарная статья в силу своих жанровых особенностей, накладывающих ограничения на объем и характер представленной в ней информации, не в состоянии раскрыть содержание подобных лексических единиц во всей его вариативности и «калейдоскопичности». За рамками статьи, как правило, остается оценочный компонент, являющийся, как уже отмечалось выше, неотъемлемой частью смысловой структуры абстрактных имен. Существует мнение, что для адекватного описания содержания абстрактных имен требуется целый текст, поскольку вокруг подобных лексем концентрируется, как правило, «обширная смысловая область».

Вариативная часть значения абстрактных лексем, обычно не фиксируемая лексикографическими источниками, является производной не только от индивидуального опыта носителей языка, но от сложившейся в той или иной лингвокультуре на определенном хронологическом срезе системы коммуникативно-речевых практик. Поэтому к важнейшим аспектам исследования абстрактных имен относится коммуникативный аспект, связанный со спецификой их функционирования в различных видах дискурсов и составляющих их жанров. Подобные лексемы меняют свое

значение (в том числе и его оценочную составляющую) под влиянием определенной дискурсивно-культурной среды, в которой находят отражение определенные религиозные, философские, социально-политические взгляды и установки.

Вышесказанное дает основание сделать вывод о том, что при изучении абстрактной лексики наряду с компонентным, дистрибутивным, контекстным и другими, ставшими уже традиционными методами исследования, необходимо использовать и дискурсивный анализ. Основная задача состоит в том, чтобы сочетать в ходе исследования традиционные для семасиологии и лексикологии методы с характерными для современной лингвистики принципами, требующими выхода в те дискурсивно-культурные области, в которых происходит процесс варьирования семантики лексических единиц, особенно высокого уровня абстракции.

Исследования, о которых идет речь, требуют привлечения большого числа текстов, различных по жанрово-дискурсивной и хронологической принадлежности. Повышению уровня объективности и достоверности результатов исследования способствуют используемые в практике дискурсивного анализа статистические данные, указывающие на частотность употребления тех или иных языковых единиц в разных типах дискурса. Внимание к количественному аспекту языка, т.е. учет в первую очередь наиболее частотных в узусе языковых единиц, входит в число «идеологических предпочтений, свойственных современному этапу развития теоретической лингвистики.

Все более заметный интерес к количественному аспекту языковых явлений, несомненно, связан с электронными корпусами текстов, которые в настоящее время активно используются в практике дискурсивного анализа. Корпус, как известно, представляет собой уменьшенную модель языка или подъязыка. Достоверность, полученных на основе корпуса результатов определяется в первую очередь его репрезентативностью, способностью

ограниченного числа текстов отражать закономерности функционирования языка в целом.

Появление электронных корпусов текстов не только предоставило лингвистам новый, очень эффективный инструмент анализа фактов языка, но и в определенной степени вызвало смену теоретических приоритетов, о которой говорилось выше (в самом начале пособия). Электронная обработка текстов имеет, естественно, неоспоримые преимущества перед их ручной обработкой, которая является трудоемкой и требующей большой затраты времени. Доступ к электронным корпусам обеспечивает дискурсивному анализу (как, впрочем, и другим направлениям в лингвистике) надежную и обширную эмпирическую базу. В настоящее время все чаще говорят о корпусно-ориентированных исследованиях дискурса, в которых качественные подходы успешно дополняются количественными и, в частности, численными характеристиками языковых единиц в определенных типах дискурса и их жанровых разновидностях.

Вопросы:

1. В чем состоит семантическая и функциональная специфика абстрактных лексических единиц? Чем объясняется эта специфика?
2. Чем обусловлена «диалогичность» имен высокого уровня абстракции?
3. Чем определяется необходимость использования дискурсивного анализа при изучении лексем высокого уровня абстракции?
4. В чем заключается специфика лингвистической модели дискурса?
5. Каковы основные аспекты взаимодействия имен абстрактной семантики и общественно значимого дискурса?
6. Какую роль играют дискурсноориентированные исследования лексики в изучении самого дискурса?
7. Чем объясняется тесная связь между дискурсивным анализом и теорией семантического варьирования?

8. В чем состоит эволюция теоретической концепции лексического значения на современном этапе развития лингвистики?
9. Какое влияние на дискурсивный анализ оказывает корпусная лингвистика?
10. Каковы перспективы развития дискурсивного анализа?

Темы рефератов и курсовых работ

1. Дискурсивный анализ как составная часть коммуникативно-функциональной парадигмы знания.
- 2.. Семантические и функциональные особенности абстрактного имени.
3. Взаимодействие абстрактного имени и общественно значимого дискурса в диахроническом плане.
4. Истоки дискурсивного анализа в различных направлениях языкознания XIX–XX вв.
5. Дискурсивная вариативность имен морально-этической сферы (на материале религиозного, художественного и философского дискурсов английского языка)
6. Коммуникативно-дискурсивная вариативность оценочного компонента семантики существительного *ПРЕСТИЖ* (*PRESTIGE*) в русской и английской лингвокультурах (сопоставительный анализ).
7. Специфика функционирования абстрактных имен *BELIEF* и *FAITH* в религиозном и бытийном типах дискурса
8. Дискурс СМИ как коммуникативная среда формирования семантики абстрактных имен ((на примере существительного *globalisation*)
9. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах (на материале английского языка)
10. Модификация семантической структуры наименований географических реалий в жанре фэнтези (на материале произведений (Дж. Р. Толкина)

Литература

- Арутюнова, Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
- Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1988. 338 с.
- Бобырева, Е. В.* Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии : на материале православного вероучения / Е. В. Бобырева. Волгоград : Перемена, 2007. 375 с.
- Будаев, Э. В.* Недостающее звено дискурс-анализа: контекстуальные модели Т. ван Дейка / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. 2009. № 2. С. 153–155. -
- Вахтин, Н. Б.* Социолингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. СПб. : Гуманит. акад. : Изд-во Евр. ун-та в С.-Петербурге. 2004. 336 с.
- Илюхина, Н. А.* Семасиология и лингвокогнитивистика: преемственность и методологическое взаимодействие / Н. А. Илюхина // Язык–текст–дискурс: традиции и новаторство : материалы междунар. науч. конф. Самара, 2009. Ч. 1. С. 34–41.

Крипке, С. Тождество и необходимость / С. Крипке // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 340–376.

Крючкова, Н. В. Концепт–Референция–Коммуникация / Н. В. Крючкова. Саратов : ИП Баженов, 2009. 391 с.

Кубрякова, Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров. М., 2000. С. 7–25.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. М. : Языки славянской культуры, 2004. 318 с.

Плунгян, В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7–20.

Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 14–53.

Степанов, Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. статей. М., 1995. С. 35–73.

Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. Киев : Ника–Центр, 1996. 208 с.

Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. 2-е изд., перераб. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. 272 с.

Чернявская, В. Е. От анализа текста к анализу дискурса : немецкая школа дискурсивного анализа / В. Е. Чернявская // Филологические науки. 2003. № 3. С. 68–76.

Chalaby, J. K. Beyond the prison-house of language: discourse as a sociological concept / J. K. Chalaby // British Journal of Sociology. 1996. Vol. 47. P. 684–698.

Glaz, A. The Dynamics of Meaning : Exploration in the Conceptual Domain of Earth / A. Glaz. Lublin : Maria Curie-Sklodowska Univ. Press, 2002. 209 p.

Parker, I. Discourse dynamics / I. Parker. London : Routledge, 1992. 202 p.

Phillips, N. Discourse Analysis: Investigating Processes of Social Construction / N.

Phillips, C. Hardy. Thousand Oaks, CA : Sage, 2002. 97 p.